

Ничего нет прочнее камня, но он разрушается и течением времени, и течением воды, которая оказывается на самом деле более надежным средством хранения памяти, чем камень. Хранение – процесс во времени. В камне этот процесс связан с неизменяемостью кристаллической субстанции, с постоянством. Вода же всегда находится в процессе восстановления и движения. Нейрофизиологи пришли к выводу, что и память живых организмов воплощена не в неизменных субстанциях, не подверженных трансформации, а в восстановительных процессах; и важнейшим материалом этих процессов оказывается вода. Вода, скользящая по поверхности камня, изменяет зримый характер его поверхности и проявляет скрытую в камне красоту, но кроме этого еще и дает информацию об истории становления нашего мира. Символ памяти – камень и субстрат памяти – вода в мокром камне оказываются напоминанием о тайне и хрупкости бытия. Ключевые слова: память, камень, вода, мокрый камень, тайна бытия. /

There is nothing stronger than stone, but it can be broken by the flow of time and by the flow of water, which proves to be a more reliable storage of memory than the stone. Storage is a process in time. In stone, this process relates to unchangeability of the crystalline substance, to constancy. Water, however, is always in the process of recovery and movement. Neurophysiologists came to the conclusion that memory of living organisms is embodied in recovery processes, but not in untransformable substances. The main material in these processes is water.

Water running over the surface of the stone changes its visible surface pattern and reveals its hidden beauty. Besides, it provides information on the history of the formation of the world. The symbol of memory – stone, and the substrate of memory – water in the wet stone remind of the mystery and fragility of existence. Keywords: memory; stone; water; wet stone; mystery of existence.

Мокрый камень / Wet Stone

текст
Александр Раппапорт
фото
Сергея Астапова /

text
Alexander Rappaport
photos
Sergey Astapov

Я – архитектор, и все, что я пишу и о чем думаю, так или иначе связано с архитектурой. В том числе и проблемы истории культуры. Дело в том, что культура, наука, история и архитектура – все это вещи, связанные с памятью. Память для меня есть феномен универсальный, лежащий в человеческой культуре глубже, чем язык. С появлением вербального языка, сначала устного, а потом и письменного, память стала фиксироваться в языковых формах. Но архитектура, которая тоже сейчас живет в атмосфере языка, на мой взгляд, уходит своими корнями в довербальные горизонты культуры.

Особенность темы памяти состоит в том, что к памяти относится не только все, что так или иначе связано с культурой и языком, но и то, что живет в сознании и мозгу как физиологическое и психологическое явление. В самые последние десятилетия нейрофизиологии генетики узнали о механизмах памяти как биологического

явления намного больше, чем было известно раньше, но в некоторых моментах эти новые данные оказываются соответствующими тому, что мы знали о памяти до этих открытий в области физиологии.

После многих размышлений я высказал гипотезу, что память – старше жизни, а вода – прочнее камня. Но об этом позже, а сейчас несколько сентиментальных отроческих воспоминаний.

Я учился в Ленинграде, и последние годы в школе вместе с двумя моими одноклассниками занимался академической греблей в одном из спортивных клубов. Мы меньше тренировались, а больше катались на лодке, и за три года успели избородить все протоки и рукава невской дельты. Так что мне довелось увидеть свой любимый Санкт-Петербург задолго до того, как я начал учиться в архитектурном институте и увидел город как раз в том месте, где невская вода прикасается к граниту набережных: то бьет в него сердито, то нежно лижет камень.

Эти отроческие воспоминания немедленно заставили меня вспомнить и своего любимого поэта – Мандельштама, первая книга стихов которого, как символ нового поэтического течения – акмеизма, называлась «Камень». Правда, тут же возникли некоторые неожиданные моменты. Мандельштам в детстве и отрочестве бывал в Риге и Юрмале, и возможно, немного знал латышский язык. На латышском же камень называется «акмен», то есть в том же слове переставлены первые две буквы. Греческое же слово «акме» означает острие, резец, что-то вроде острого наконечника для стрел, в палеолите изготовлявшихся из кремния, так что камень, кремь и язык оказались в весьма неожиданной связи с природой северных морей и рек. (Термин «акмеизм» возникает примерно одновременно с появлением книги стихов Мандельштама в 1912–1913 годах, в самой же книге мотив камня встречается в стихотворении «Пешеход», посвященном М.Лозинскому.)

Из петербургских камней на Неве самыми знаменитыми, наверное, могут считаться два египетских сфинкса из храма в Луксоре. Недавно я узнал, что, по мнению геологов, эти сфинксы были вырезаны из гранита в Египте в те времена, когда не существовало не только Санкт-Пе-

тербурга, но и самой Невы. Все это как-то связывается с идеей памяти, хотя, конечно, чисто поэтически.

Но и сама поэзия, восходя к мифологии, указывает на события в сфере памяти, воплощенные как в знаковых или языковых формах, так и в формах материальной культуры и материальных процессах в сфере переработки и хранения информации в человеческом мозге.

Камень сам по себе всегда был символом хранения памяти. Быть может, это связано с тем, что многие валуны ледникового периода напоминают по форме череп человека, голову, и его молчание ассоциируется с глубокой задумчивостью, хотя видна только поверхность камня. Камень становится памятником или памятным знаком, так как он как бы что-то видел или что-то знает и хранит это знание в молчании, но человек способен видеть в этом молчании сохранность тайны камнем и верить в то, что камень того, что он знает, не выдаст. Пушкин вслед за Горацием видит в поэзии своего рода «камень» Александрийского столпа и тем самым подает своего рода совет Мандельштаму.

Но до Пушкина Гораций заговорил устами Державина:

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

Однако прочность камня не бесконечна, ветер, вода, солнечный свет (вихрь и гром) камень разрушают, а поэзию не могут разрушить. Тем не менее и поэзию, видимо, может разрушить некий поток, который метафорически воспроизводит воду, но относится ко времени.

Об этом еще красноречивее возвещает тот же Гавриил Романович Державин:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

По Державину, поэзии и искусству грозит та же участь быть пожранными вечностью. Стало быть, хотя камень и кажется твердым, он разрушается течением – в данном случае течением времени. Но камень разрушается и течением воды, ибо даже капля камень долбит. Вода, ветер и солнечный жар превращают камень, как бы прочен он ни был, в песок забвенья. Но вот тут возникает новая мысль: вода оказывается более надежным средством хранения памяти, вопреки своей вечной изменчивости и текучести.

Оказывается что вода, во-первых, вообще не подвержена распаду, аналогичному разрушению камня в песок. Вода меняет свое агрегатное состояние, превращаясь в твердую субстанцию (кристаллический лед) или в газ (пар), но в сравнении с камнем в земных условиях, где температуры колеблются вокруг нуля, именно вода становится самым устойчивым материалом во времени бесконечных физико-геологических превращений и мутаций.

Спрашивается, но может ли она в таком случае именно «хранить» память. Вопрос этот предполагает смену представлений о самом хранении. Хранение есть процесс во времени. В камне этот процесс есть процесс неизменяемости кристаллической субстанции каменной массы. Вода же постоянно находится в процессе восстановления, происходит круговорот воды в природе, и все в воде есть не столько состояния, сколько движение, процесс.

Нейрофизиологи пришли к выводу, что и память живых организмов воплощена не в неизменных субстанциях, не подверженных трансформации, а в восстановительных процессах; и важнейшим материалом этих процессов оказывается вода или растворы иных веществ в воде. И писать вилами по воде, оказывается, не так уж безнадежно.

Сама вода способна формировать своего рода кристаллические сгустки, в том числе так называемые жидкие кристаллы, на основе которых сегодня изготавливаются миллиарды жидкокристаллических цветных экранов телевизоров и компьютеров.

Кроме того, вода, в отличие от газов, обладает своего рода «вязкостью», то есть способностью к сохранению каких-то процессов, возмущающих ее состояние и течение. Возможно, что именно эта вязкость воды, в отличие

от других сред, делает возможным для нас наблюдать круги на воде – как следы брошенного в воду камня.

Тут приходят на ум сказанные в шутку слова Козьмы Пруtkова, что, «бросая в воду камешки», следует глядеть на круги, ими образуемые. Связь воды и камня тут чисто ироническая и случайная, но мне кажется, что в других случаях она обретает и более «глубокий» смысл.

Камни, лежащие в глубине водоемов, не теряют для нас этого чувства погруженности в память (сама погруженность – переходной мост от воды к памяти). И совсем другое дело – вода, скользящая по поверхности камня. Именно такая вода делает камень мокрым и изменяет зримый характер его поверхности, на которой становятся ярче видны микроструктуры самой каменной массы, то есть то, что образовалось в массе камня в результате геологической плавки в глубине земной коры. Вглядывание в эту микрзернистую и разноцветную, в случае с гранитами, поверхность камня, мы как бы погружаемся в недоступную для зрения массу каменной субстанции, различая в ней тонкие структуры, следы глубоких и далеких процессов прошлого.

Созерцание камня обладает трудноуловимой в слове феноменологией припоминания, своего рода анамнеза, воспоминания о том, чего мы на самом деле не видели и не знали, а именно воспоминания о геологической предыстории Земли. Смысл созерцательности как раз и кажется таким априорно запрограммированным в сознании воспоминании.

В какой-то степени фотография и фотоимитация каменной поверхности способны возбудить эту созерцательную, установку, но в гораздо большей степени ее пробуждает натуральный каменный массив. Здесь видимый образ каменной поверхности соединяется с недоступным зрению чувством гравитационной силы, массивности и прочности камня.

Распознавая в фотообоях или отделочных плитках для стен имитацию камня, это чувство созерцания уступает место простому чувству декоративной игры.

В архитектуре и скульптуре издавна применяется такой способ обработки каменной поверхности, который обеспечивает тонкая пленка стекающей воды – полировка камня. Полированный камень кажется мокрым и

прозрачным, он открывает зрению и умозрению возможность проникновения «вглубь» и этой пленки воды, и этой массивности камня.

Вводя нас к тайнам экологической эстетики, в которой предметно расчлененный мир постепенно уступает место миру целостному и в какой-то мере неопределенному и динамическому.

Именно в этом ракурсе мокрый камень обнаруживает свои особые свойства как поверхностное проявление субстанциональной природы массива и заставляет присмотреться к свойствам камня и воды, которые никогда не были секретом, но никогда не понимались в своих глубоких смысловых и экзистенциальных глубинах.

Речь идет, стало быть, не об открытии, а о возвращении к смыслам, то есть о своего рода припоминании – о памяти. Самый символ памяти – камень – и самый субстрат памяти – вода – в этом мокром камне оказывается напоминанием. О чем же?

Практически о жизни. Память не только продукт жизни, но и ее условие. Мокрый камень показывает, как влажная поверхность камня теряет его в качестве пластической формы и превращается в некое подобие живописи или особого предмета, обладающего таинственной глубиной. Мы понимаем, что эта глубина в массе камня сложилась в результате геологических процессов далекого прошлого, которые мы помнить никак не можем, но, взглядывая в эти фактуры, мы все же постигаем их, и возникает ощущение, что нечто подобное мы все-таки знаем и в каком-то смысле помним.

Эта поверхность, которую мы привыкли рассматривать как декоративную, в случае реального камня открывается нам как некий особый мир. И именно понимание того, что это есть особый мир, позволяет постичь одну из тайн архитектуры как способа причастности к миру как таковому, причастности, которая выходит за рамки поведенческих привычек.

Попытаемся представить себе будущее нашей культуры через несколько десятков или сотен лет. В случае если нам удастся избежать мировых катастроф, мы будем ясно сознавать, что все, что можно знать, хранится в памяти компьютеров. История культуры, которая создала сначала фонетический язык, потом письменность и

книгопечатание, исторические архивы и справочники постепенно освобождала нашу индивидуальную память. Некогда человеку нужно было знать и помнить ВСЕ, что касалось жизни в мире. В будущем эта вербальная, фигуративная память перекоцует в компьютеры, построенные на кремнии,硅иконе. Память уйдет в этот новейший каменный, (кремниевый) век, и нашему живому сознанию останется знать только языки, в которых эта память хранится. Но тогда вновь возникнет вопрос об интуиции и настроении как феноменах фоновой памяти, а отчасти и предметной памяти, давно утратившей свои смыслы.

Теория врожденных идей в виде априорных категорий Канта или архетипов Юнга вновь и вновь всплывает на фоне этой новой глобальной компьютерной памяти и ее новой амнезии. Поэты давно чувствовали эту априорную подкладку восприятия.

Недаром Мандельштам, постоянно размышлявший над геологической историей Земли и эволюцией живых существ, в одном стихотворении писал:

*Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрело черты.*

Архитектура впитала в себя опыт ранних шагов человека и культуры и воплощала его в дереве и камне. Мы привыкли объяснять это развитие культуры инициативностью человеческой коллективной деятельности. Однако любая инициатива строится на интуиции, а интуиция и есть содержание памяти. Теперь мы можем ставить вопрос о ресурсах априорного содержания сознания и механизмах его проявления в деятельности, как той силы, которая эти тысячелетия и строила культуру, а в ней и архитектуру.

Со временем появлялись новые технические идеи и опыт древних веков вытеснялся новейшими способами деятельности и формами восприятия, языками и идеями, наше воображение стало все в большей степени подчиняться волевым импульсам желания и рациональным программам. Но едва ли мы могли бы осуществить эти новейшие достижения, без той генетической памяти, которую мозг хранит в своем молчании.

Попытки истолковать возникновение нового до сих пор остаются мало продуктивными: не удается объяснить возникновение живого из неживого (мертвого), языка из немоты и пр.

В новых социально-культурных условиях сама память, обособляясь в виде компьютерной памяти, все еще требует тока, то есть потока электричества, без которого этим сокровища памяти не могут быть оживлены. Но и живая жизнь не может воспроизводиться без алгоритмов памяти и на уровне организма, и на уровне социума. Жизнь немыслима без воды, как компьютеры без электрического тока.

Это тема будущих концепций.

Но нельзя не обратить внимания и на отношение той памяти, которая в компьютерах формируется из знаков и фигур и той фоновой памяти, которая достигает нашего сознания в виде резонанса настроений и чувства причастности.

Причастность эта неразрывно связана со счастьем жизни и бытия. В ней мы физически, психически и физиологически переживаем свою жизнь как причастность к миру и движению в мире. Но наша воля ищет не только счастья этой причастности, но и свободы от нее для обнаружения внутри этой фоновой причастности новых и новых жестких структур – фигур и тел.

Потребовалось бы много места и времени для того, чтобы описать эти конкретные конфликты концентрированной изобретательской воли и фонового погружения в присутствие в неопределенности мира.

Процессы смыслообразования, поглощая восприятия и ощущения, превращая их в процессы на клеточном уровне в мозгу, возвращаются в культуру в деятельности познания и созидания, чтобы уловить органическую связь интуиции и логики, поэзии и научного анализа, воображения и технического изобретательства.

Мокрый камень, поверхность которого, увлажненная водой, приоткрывает нам эту тайну, – только один из многих знаков этого мира, свидетельствующих одновременно и о его тайнах, и о его готовности (если не жажде) быть понятым.